

НАША СТРАНА

Год издания 70-й. Буэнос Айрес, 20 января 2018

"NUESTRO PAIS"

Buenos Aires, 20 de enero de 2018

No 3071

К ВОССТАНОВЛЕНИЮ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРАВДЫ

СВИДЕТЕЛЬСТВО СЕРГЕЯ ЛЬВОВИЧА ВОЙЦЕХОВСКОГО ОБ УБИЙСТВЕ СОЛИДАРИСТА АЛЕКСАНДРА ВЮРГЛЕРА

Двадцать третьего декабря 1943 года, в 10 часов утра, в узком переулке, идущем с площади Старе Място в Варшаве, А. Э. Вюрглер был убит выстрелами в упор. Деятель НТС скончался, прежде чем появился немецкий патруль. Оказавшиеся на месте немногочисленные свидетели не смогли ничего рассказать, кроме того, что убийцы быстро нырнули в калитку проходного двора и скрылись.

Исследователи высказывали разные предположения, кто мог совершить данное преступление. Сами члены НТС тоже далеко не были едины во мнении. Например, Я. Трушнович в статье «Первый год войны» («Посев», № 5, 2000) предполагает: «Есть подозрения, что убийцы были посланы в Гестапо энкаведистами: в Гестапо во время войны было заброшено немало; но прямых доказательств этому нет».

Увы, другие солидаристы предпочитают клеветать на бывшего члена Кутеповской Боевой Организации и главу русской белой эмиграции в Польше, покойного сотрудника «Нашей Страны», рыцаря без страха и упрека Сергея Львовича Войцеховского.

Так в книге двух из них (Рар Л. А., Оболенский В. А. «Ранние годы 1924-1948: Очерк истории Народно-Трудового Союза, Посев, 2003. — Материалы к истории НТС; Выпуск 1») встречается следующая версия: «В «Организацию по борьбе с партизанами» (так авторы называют Зондерштаб «Р» Бориса Хольмстон-Смысловского) просачивается

советская агентура, доносившая в Гестапо о масштабах и истинном характере работы А. Э. Вюрглера. Ликвидацию Александра Эмильевича Гестапо поручило официальному представительству русской эмиграции в Варшаве, так называемому «Ферттрауенстелле» (правильно — Russische Vertrauensstelle, Русский Комитет в Варшаве С. Л. Войцеховского). Последнее организует убийство под «польский вариант» — выстрелом из револьвера на одной из варшавских улиц, утром 23 декабря 1943 года. Официальная расправа немцам не была выгодна, так как А. Э. Вюрглер был швейцарским гражданином».

Председатель НТС Виктор Михайлович Байдалаков, заявлял, что «организаторами и вдохновителями убийства Вюрглера были Войцеховский и Смысловский, которые якобы действовали с согласия немецкой военной разведки. По этому поводу Байдалаков писал доклад в РСХА (главное управление безопасности Третьего Рейха) с просьбой расследовать обстоятельства убийства Вюрглера и привлечь виновных к ответственности.

Две версии, приведенные Я. Трушновичем, Л. Раром и В. Оболенским, внешне схожи. Основное содержание версий Трушновича и Рара с Оболенским, — Вюрглера убили советские диверсанты из НКВД, проникшие в ряды варшавского Гестапо. Они де так люто ненавидели Вюрглера, что пошли по самому запутанному и трудному пути,

Глава белой эмиграции в Польше Сергей Львович Войцеховский

решив ликвидировать его через гестапо (версия Трушновича) и через Русский Комитет С. Л. Войцеховского (версия Рара и Оболенского). Но эти утверждения ложны. Сотрудники НКВД, если их посылали с таким заданием, могли убить Вюрглера и без помощи Гестапо. Да и Гестапо не нужно было использовать Русский Комитет, чтобы уничтожить Вюрглера.

После войны, в буэносайресской газете «Суворовец» Хольмстон-Смысловский писал: «...В последнее время НТС начал против нас вести ожесточенную травлю, приписывая нам действия, нами никогда не совершенные. Он старается нас выставить как группу профессиональных разведчиков. Мы не отрицаем... и вот благодаря тому, что мы действительно разведчики, я предлагаю господам из НТС быть осторожными. Ведь мы старые знакомые. Мы встречались не раз с г-ном Байдалаковым в Берлине. Около 200 членов партии НТС служили в Зондердивизии. Р. под моей командой. Об их деятельности мы информированы лучше, чем кто-либо другой».

В 1978 году я посетил Сергея Львовича Войцеховского в Астории, штат Нью Йорк и, среди многих других тем, попросил его рассказать мне и о деле Вюрглера. Он согласился. Поначалу мы говорили о Сергее Викторовиче Гротове — «Алексее Ростове» (настоящая фамилия Сигрист), напечатавшем в «Нашей Стране» статью, касающуюся убийства Вюрглера.

Войцеховский мне поведал, что упомянутые Гротовым в его статье «Записки следователя Гестапо» были впервые напечатаны в нескольких номерах московского чекистского «Голоса Родины» в конце 1969 и начале 1970 года. По каким-то соображениям, КГБ решил напечатать их вторично в «Москве».

Судя по № 6 этого журнала за 1971 год, на который Гротов сослался, версия «Москвы» была несколько короче версии «Голоса Родины» и дополнена направленным против НТС предисловием, которого в «Голосе Родины» не было. Как все такие нападки советской печати против НТС, появление «Записок» в «Москве» — было оружием о двух концах. С одной стороны оно как бы осуждало НТС, но с другой создавало ему рекламу в западном мире.

Написаны были эти «Записки», конечно, не их фиктивным автором, якобы живущим в Уругвае, а в КГБ, выдумавшем невозможное в действительности превращение ставшего в Киеве советским агентом советского гражданина в берлинского следователя Гестапо. Сделано это было примитивно и настолько небрежно, что — например — фамилия начальника второго отдела Зондерштаба «Р» Бондоровского, с которым автор «Записок» якобы установил в Варшаве хорошие отношения, была указана неправильно.

Статья Гротова произвела на Войцеховского неприятное впечатление тем, что тот выбрал из «Записок» все те обвинения, которые КГБ в этом произведении поставил русским эмигрантам, и недостаточно подчеркнул несуразность его главной нити — превращение советского гражданина в следователя Гестапо.

Вследствие такого неудачного подхода Гротова к теме, внимание читателя сосредотачивалось на этих советских обвинениях, автором статьи прямо не опровергнутых, а — как гласит французская поговорка — от клеветы всегда что-то остаётся.

Кроме того, Войцеховский мне сказал, что при втором чтении статьи Гротова он обнаружил в ней фразу, которая его поразила. Гротов написал: «В целях устранения соперников якобы

Александр Эмильевич Вюрглер, руководитель НТС в Польше

Войцеховский и Регенау (один из псевдонимов Хольмстон-Смысловского) устроили убийство НТС'овца Вюрглера и немецкого лейтенанта Фрейтага».

В № 6 «Москвы» Вюрглер был упомянут неоднократно, но об его смерти или убийстве не было сказано ни слова. Назван был только какой-то в действительности не существовавший лейтенант Фрейтаг, собиравший с помощью Вюрглера отрицательные сведения о Регенау (Смысловском) и за это якобы убитый Смысловским и его другом Войцеховским. К этому прибавлено фантастическое утверждение, что автор «Записок» доложил об их причастности к убийству Фрейтага в Берлин, где на это, очевидно, не обратили никакого внимания, так как Смысловский и Войцеховский продолжали подвизаться в Варшаве. Совершенно непонятно было зачем Гротову понадобилось прибавить имя Вюрглера и таким образом повторить эту ложь, которую о Войцеховском в первой половине сороковых годов распространяли глава НТС Байдалаков и его ближайшие друзья, в прошлом тесно связанные с Вюрглером.

Судя по «Голосу Родины» убийство Вюрглера было упомянуто в той части «Записок», которая в № 6 «Москвы» не вошла и имя Войцеховского вложено не в уста автора этого произведения, а в уста Байдалакова.

Публицист С. Гротов-Сигрист

Таким образом Гротов стал повинен в основательном искажении содержания № 6 «Москвы» и в повторении клеветы, от которой даже руководство НТС в 70 годах отказалось. Этот неприятный случай с Гротовым побудил Войцеховского рассказать мне как и почему возникла версия Байдалакова о его причастности к трагической смерти Вюрглера.

Как известно, Сергей Львович Войцеховский был до Второй Мировой войны управляющим делами Российского Общественного Комитета в Польше, а во время войны – председателем Русского Комитета в Варшаве.

Швейцарский гражданин Александр Эмильевич Вюрглер, считавший и называвший себя русским эмигрантом, был до войны в Варшаве представителем Национально-Трудового Союза Нового Поколения, как тогда НТС себя называл – и служащим японской военной миссии, которая из Польши занималась разведкой в СССР.

Войцеховский знал его поверхностно, так как НТС не только не участвовал в русской эмигрантской общественной жизни, но даже иногда ставил ей палки в колеса, а встречи с приехавшим в Варшаву

генеральным секретарём НТСПН проф. М. А. Георгиевским, в которых Вюрглер участвовал, произвели на Войцеховского крайне неприятное впечатление явным двуличием Георгиевского.

Деятель НТС М. Георгиевский

Когда в 1940 году всеми русскими организациями в Варшаве, за исключением единомышленников Милюкова, Войцеховский был избран председателем Русского Комитета, ему показалось желательным привлечь в его правление представителей возможно более широкой русской политической радуги. Поэтому, он предложил Вюрглеру должность члена правления Комитета. Тот её принял и возглавил отдел, ведавший провинциальными отделами. Это дало ему возможность разъездов, которые – как Войцеховский вскоре убедился – он использовал не только для Комитета, но и для НТС.

В 1941 году Войцеховский помог НТС в проникновении его членов на оккупированную немцами русскую территорию. Эта помощь была описана им в воспоминаниях напечатанных в парижском журнале «Возрождение» в феврале и марте 1970 года. Отметим однако, что Сергей Львович противодействовал отправке в Россию совершенно к такой работе не подготовленных юношей и девушек, вследствие чего в его отношениях с НТС пробежала первая тень.

В ноябре 1941 Войцеховский познакомился в Берлине с Байдалаковым и другим руководителем НТС Вергуном и откровенно сказал им своё мнение о Гитлере и его отношении к русскому народу.

В начале следующего года Войцеховский случайно узнал, что Байдалаков свой разговор с ним записал и передал эту запись редактору берлинского «Нового Слова» Владимиру Деспотули, который похвастался варшавскому журналисту Кельничу, что судьба Войцеховского теперь в его руках, так как его отзыва о Гитлере немцы не простят.

Журналист В. М. Деспотули

Узнав это, Войцеховский вызвал Вюрглера и сказал ему, что если Байдалаков немедленно не признает письменно, что находящаяся в руках Деспотули запись разговора

с ним – фальшивка, он пойдёт на риск придания этому делу огласки и публично обвинит председателя НТС в провокации.

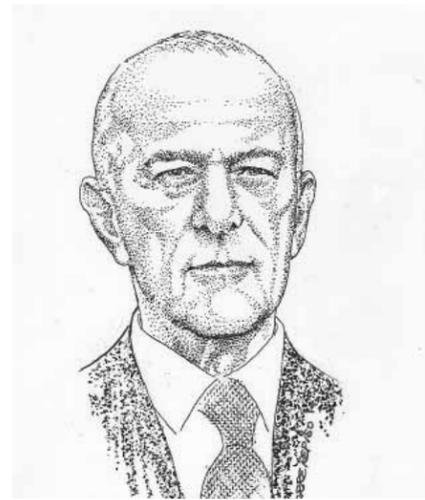
Вюрглер в тот же день съездил в Берлин и, вернувшись, передал Войцеховскому письмо, в котором от имени Байдалакова, исполнил его требование. Таким образом из рук Деспотули было выбито оружие, которое – в обстановке того времени – сулило Войцеховскому гибель.

В том же 1942 году в Варшаве был основан Зондерштаб "Р" (от слова "Россия"), начальником которого был назначен полковник фон Регенау (Б. А. Смысловский).

До войны Смысловский в русской жизни не участвовал, но вскоре после вступления немцев в Варшаву в 1939 году стал начальником штаба Восточного отдела Объединения Русских Воинских Союзов, как в Германии называл себя возглавляемый генералом А. А. Лампе бывший отдел Русского Обще-Воинского Союза.

В 1941 году Смысловский ушёл на фронт гражданским переводчиком Абвера (немецкой военной разведки), вскоре стал зондер-фюрером, а затем зондер-фюрером на правах штаб-офицера, а с назначением в Зондерштаб был переименован в полковники.

Он обратился к Войцеховскому, как к председателю Русского Комитета, с просьбой рекомендовать эмигрантов, которые могли бы быть зачислены на службу Зондерштаба. Войцеховский эту просьбу отклонил, сославшись на устав Комитета, ограничивающий его деятельность правовой и материальной помощью русским людям, и посоветовал обратиться к НТС, как организации, заинтересованной в работе на оккупированной советской территории. Сергей Львович рассказал Смысловскому о том чувстве недоверия, которое вызвал у него Георгиевский, и случай с Деспотули, но это не остановило Смысловского от обращения к Вюрглеру.

Б. А. Хольмстон-Смысловский

Вскоре значительное число членов НТС стало служащими Зондерштаба, а Вюрглер – оставшись номинально членом правления Русского Комитета – начальником его пропагандного отдела. Летом 1941 года Байдалаков сообщил Смысловскому своё желание приехать в Варшаву для встречи с местными членами НТС. Было условлено, что он будет встречен на варшавском вокзале начальником хозяйственного отдела Зондерштаба Г. М. Плотниковым, членом НТС, и начнёт своё пребывание в городе посещением С. Л. Войцеховского как председателя Русского Комитета.

В заранее назначенный час, Сергей Львович должен был одновременно принять Байдалакова, Плотникова и Смысловского, для которого это было первой встречей с гостем из Берлина.

В день этой встречи, рано утром, к Войцеховскому приехал взволнованный и возмущённый Смысловский, который рассказал, что ночью его вызвали в находящуюся в Восточной Пруссии германскую ставку, где спросили, намерен ли он встретиться в Варшаве с Байдалаковым, и показали запись разговора, подслушанного в спальном вагоне на линии Берлин-Варшава. Оказалось, что Байдалаков встретился в купе этого вагона с японским офицером, капитаном Накагава, рассказал ему, что многочисленные члены НТС состоят на службе Зондерштаба и предложил японцу полученную от этих солидаристов информацию о части Смысловского.

Когда не подозревавший об этом разоблачении Байдалаков приехал в Русский Комитет, в назначенное время там же вторично появился Смысловский, начал разговор с Байдалаковым любезно, а затем – изменив тон – чёрным по белому выложил ему содержание ночного разговора с Накагавой.

Глава НТС В. М. Байдалаков

В заключение он потребовал от Байдалакова немедленного возвращения в Берлин и поручил ожидавшему в приёмной офицеру отвезти председателя НТС на вокзал и посадить его в обратный поезд.

Год спустя, в 1943-м, Байдалаков – полагая очевидно, что этот случай забыт, так как он не отразился на положении Вюрглера и остальных членов НТС в Зондерштабе, вторично высказал желание приехать в Варшаву и опять получил согласие Хольмстона. Был согласован порядок его пребывания, опять предусматривающий визит председателю Русского Комитета и встречу Смысловского с гостем у С. Л. Войцеховского.

Байдалаков приехал с Вюрглером, а вскоре затем появился Смысловский, которого сопровождал Бондоровский. На этот раз Смысловский даже не протянул Байдалакову руки, а сказал, что хочет в присутствии председателя Комитета, как главы русской эмиграции в Польше сообщить им содержание документов, касающихся Александра Вюрглера.

Он приказал Бондоровскому огласить эти документы, оказавшиеся записью длительного внешнего наблюдения Зондерштаба за Вюрглером. Это внешнее наблюдение установило тайное посещение им каких-то конспиративных квартир в разных частях города. Судя по фамилиям, владельцами этих квартир были немцы.

Вюрглер поначалу отрицал точность этих записей. Но они его очевидно сокрушили. Он был бледен как полотно, и когда ему задали вопрос, что он заслужил если записи правдивы, ответил еле слышно: «Ликвидировать».

Войцеховский понял, что стал свидетелем драмы, и притом свидетелем случайным, только как председатель Русского Комитета.

В тот же день Смысловский потребовал от немцев ареста Вюрглера, как советского агента. Неожиданно, немцы ему в этом отказали. Когда Войцеховский спросил Смысловского, чем доказана причастность Вюрглера к советской агентуре, он ответил, что добыл расписку Вюрглера в получении им крупной суммы от большевиков, но показать эту расписку не может, так как она не его частная собственность, а принадлежит военным властям.

Войцеховского это объяснение не удовлетворило. Сопоставив ряд наблюдений над взаимоотношениями немцев в оккупированной Польше, он пришёл к предположению, что Вюрглер запутался в каком-то конфликте между Абвером и Гестапо. Если Байдалаков мог предложить сведения о Зондерштабе японцу, то почему Вюрглер не мог предложить их немецкому полицейскому учреждению?

Не имея возможности, да и не желая коснуться этих грязных кулис разведки и контрразведки, Войцеховский понял, что назревавшая в отношениях между Смысловским и НТС драма может привести к трагической развязке, которая косвенно ударит и по Русскому Комитету потому что Вюрглер был членом его правления, а разговор Смысловского и Бондоровского с ним состоялся в председателском кабинете самого Войцеховского.

Деятель НТС А. И. Кишковский

Ничем не доказанное обвинение Вюрглера в работе на большевиков показало Войцеховскому не заслуживающим доверия и когда, несколько дней спустя, Вюрглер был со службы из Зондерштаба уволен, а всем членам НТС служившим в этом штабе было предложено либо

из него уйти, либо порвать с НТС – порвали немногие, в том числе Плотников – Войцеховский решил посоветовать Вюрглеру скорейший отъезд из Варшавы в Швейцарию.

Этот совет был передан Вюрглеру его близким другом, бывшим служащим Русского Комитета, служившим в то время, в чине майора в Зондерштабе и не бывшим членом НТС – Василием Федоровичем Клементьевым. В архиве Войцеховского хранилось его письмо, свидетельствующее о том, что он поручение Сергея Львовича выполнил. Однако немцы не дали Вюрглеру пропуска из Варшавы, а 23-го декабря 1943 года он был расстрелян на улице. По словам Войцеховского – несколькими молодыми людьми, вооружёнными автоматами.

После войны, находясь в Австрии, Войцеховский узнал, что Байдалаков и другие члены НТС во Франкфурте распространяют слух о его причастности к смерти Вюрглера. Один из этих солидаристов, некий Виссарионов, заговорил даже о необходимости убить Сергея Львовича.

Тогда Войцеховский вторично воспользовался помощью В. Ф. Клементьева, рассказавшего жившему в Линдау видному члену НТС А. И. Кишковскому, что Войцеховский сделал в 1943 году неудачную попытку Вюрглеру помочь. Это однако на поведении НТС не отразилось и Сергей Львович написал тому же Кишковскому письмо, в котором предупредил, что в случае дальнейшего распространения клеветы, он предаст огласке все обстоятельства приезда Байдалакова в Варшаву.

Как видим, посеянные Байдалаковым семена клеветы продолжают давать ростки, но за все десятилетия прошедшие со времени окончания войны и до кончины Сергея Львовича, НТС ни разу не предъявил ему гласного обвинения, а в последние годы жизни Войцеховского новое руководство этой организации заверяло его в своём доброжелательном отношении.

Всё, что постоянный сотрудник нашей газеты Сергей Львович Войцеховский мне рассказал, тогда не подлежало пока огласке, так как Байдалакова не было в живых и благороднейший Сергей Львович не хотел бросать тень на его память. Но он попросил меня опубликовать его свидетельство если после его смерти клевета, связывающая его имя с трагической смертью Вюрглера, будет кем-либо повторена. Что я охотно и исполняю...

Николай Казанцев

В интервью, которое я взял у сотрудника "Нашей Страны" Бориса Алексеевича Хольмстон-Смысловского в 1979 году в Вадуце, Княжество Лихтенштейн, бывший начальник Зондерштаба Р категорически отрицал любую причастность к убийству в Варшаве деятеля НТС Александра Эмильевича Вюрглера. На фотографии, подле него сидит его вторая супруга, Ирина Николаевна.

РЫЦАРЬ БЕЗ СТРАХА И УПРЁКА

Белый воин, политический и общественный деятель, публицист, поэт Сергей Львович Войцеховский (1900-1984) родился в семье офицера Русской Императорской Армии Л. П. Войцеховского, расстрелянного большевиками в 1919 году. Он был старшим братом антисоветского деятеля Юрия Войцеховского, убитого коммунистами во время Второй Мировой войны.

Сергей Львович числится в гимназии в Могилеве, куда был переведён его отец в 1912 году. В 1915 году поступил в Нижегородский Дворянский Институт.

После октябрьского переворота служил в Добровольческой Армии. В 1919 году в Киеве познакомился с будущим основателем "Нашей Страны" Иваном Лукьяновичем Солоневичем, работавшим в газете "Вечерние огни". В начале 1920 года он не смог эвакуироваться из Одессы, так как, по его словам, «был брошен в январе 1920 года на произвол судьбы ответственным за эвакуацию генералом Н. Н. Шиллингом». В первые недели красного террора выжил благодаря помощи одной еврейской семьи. Стал членом антибольшевицкой подпольной организации "Союз Освобождения России", в которую входил и Солоневич, на тот момент также проживавший в Одессе.

С 1921 года находился в эмиграции в Польше, проживал в Варшаве, и являлся резидентом Боевой Организации генерала Кутепова в этой стране. Одним из первых начал догадываться о действительном характере провокационной организации "Трест". Он говорил, «охоту на генерала Кутепова большевики начали за несколько лет до его похищения. Их орудием стала организация Трест».

На протяжении всех десяти лет проведенных в заключении Борисом Софроновичем Ковердой, Войцеховский деятельно помогал этому юному мстителю за Царскую Семью, убитшего на Варшавском вокзале советского попреда Войкова. А также составил книгу о его деле, выпущенную издательством "Возрождение".

В 1932 году являлся членом редакции газеты «Молва». Участник сборника «Стихи» (1932 год) четырёх поэтов, выпущенный Литературным Содружеством в Варшаве и «Антологии русской поэзии в Польше» (1937 год). Корреспондент газет «Борьба за Россию», «Голос России», «Возрождения», «Руль», «Россия», «Сегодня» (псевдонимы "В.", "В. С.", "С. Л. В - ский", "С. Львов", "В. Сергеев", "W"), участвовал также в польской печати ("Kurjer Warszawski").

В 1930-е годы являлся председателем правления Российского Общественного Комитета в Польше, оказывавшего правовую и иную помощь российским эмигрантам. Войцеховский защищал интересы русской эмиграции в Польше, как перед польскими властями, так и во время оккупации Польши гитлеровской Германией, что было особенно тяжело, ввиду политики, проводимой нацистами на Востоке.

Сергей Львович создал и был управляющим делами Русского Общественного Комитета в Варшаве, который после немецкой оккупации Польши был преобразован в «Русише Фертрауэнштелле». Встречался с рядом влиятельных лиц немецкой администрации - в частности, с Х. Ауэрвальдом, комиссаром по делам фольксдойче. Был корреспондентом русскоязычной берлинской газеты «Новое слово».

В 1944 году он спас белых эмигрантов в Польше от приближающейся Красной Армии. Ему удалось снарядить два поезда, успешные эвакуировать рускизов антикоммунистов из Варшавы в Германию.

Тридцатого апреля 1945 года в Фельдкирхе с группой беженцев, среди которых был князь Владимир Кириллович, присоединился к дивизии полковника Бориса Алексеевича Хольмстона-Смысловского, с которым был знаком по Варшаве. После выхода дивизии и сопровождавших её русских беженцев на границу Княжества Лихтенштейн навёл переговоры с властями княжества, способствовал пропуску военнослужащих дивизии на территорию Лихтенштейна, но для себя самого разрешения не получил.

После 2-го мая 1945 находился во французской зоне оккупации Австрии. Занимался спасением бывших советских граждан от насильственной репатриации в СССР. В 1945—1946 годы французские коммунисты пытались похитить Войцеховского, но после смены французского правительства отношение военных в зоне оккупации к русским улучшилось. Войцеховский являлся представителем русской диаспоры в Австрии перед американской администрацией.

До 1950 года проживал с семьёй в Равенсбурге, затем переехал в США при помощи Толстовского фонда, где играл заметную роль в общественно-политической жизни русской диаспоры. Работал в Толстовском Фонде и в 1953 году был одним из учредителей Российского Политического Комитета в Нью Йорке, чьим председателем являлся известный лётчик, капитан Борис Васильевич Сергиевский. Сотрудничал в газетах "Наша Страна" (один из его псевдонимов - "В. Ф. Вальдемар"), "Новое Русское Слово" и «Россия» (Нью-Йорк), журналов «Возрождение» (с 1949), «Новый Журнал» (Нью-Йорк), «Часовой» (Париж — Брюссель). Труды Войцеховского публиковались в «Записках Русской Академической Группы в США» (Нью-Йорк).

В канадском издательстве "Заря" власовца С. А. Зауера, Сергей Львович выпустил книгу "Трест. Воспоминания и документы" (1974), сборник мемуарных очерков "Эпизоды" (1978) и сборники стихов (1974; 1981).

Антон Васильев

Глава из романа «Пётр Врангель»

Книга вторая «Сквозь смуту»

Глава 21

«Причастник русского стыда»

Красных стратегов выручало лишь то, что враждебная им сторона – «кадеты», как тогда говорили, начинала антибольшевицкую борьбу с сущей самодеятельности, в полной нищете и с микроскопическими силами. В офицерской организации генерала Алексева осенью 17-го было 30 юнкеров и 800 рублей деньгами. Он мечтал собрать хотя бы один полк!

После свержения большевиками правительства Керенского в организацию Алексева записалось несколько тысяч офицеров, но только около 100 из них, во главе со штабс-капитаном Измайловского лейб-гвардии полка В. Д. Парфёновым, оказались способны провести ряд нападения на большевиков и затем были вынуждены уйти в глухое подполье.

Когда Алексеев перебрался на Дон, атаман Каледин наотрез отказал ему, «иногороднему кацапу», в поддержке организации и посоветовал начать действовать где-нибудь за пределами Донской области. Сводный батальон из двух рот, Юнкерской и Сводно-Офицерской, да Константиновская артиллерийская батарея – вот и всё, что было теперь у бывшего начальника Генерального Штаба великой империи. Нелегально в те дни жил на Дону и генерал Корнилов. Лишь позже атаман, в качестве базы, предоставил им новочеркасский лазарет в доме №39 на Барочной улице – «лечить слабосильную команду».

С поддержкой местного населения у добровольцев вначале было хуже некуда.

По результатам голосования на выборах в Учредительное Собрание большевики Дона заняли третье место, эсеры – второе. Казаки, уставшие от войны, отказывались выступить вместе с Алексеевым, Чернецовым и Корниловым против большевиков. Исключение составил лишь 10-й полк. Станичники заявляли о нейтралитете, а после поражения партизан Алексева под Миллерово, Глубокой и Каменской они и вовсе перешли на сторону красных. Самым боеспособным у красных казаков был 27-й полк войскового старшины Голубова.

Разложенная революционной пропагандой, армия в беспорядке отходила с Кавказского фронта.

В Сарыкамьше, оваянном славой русской победы, опустошались цейхгаузы и провиантские склады, сжигались лесоматериалы, сложенные на пакагузах, чинились самосуды над офицерами.

С середины декабря, для ликвидации Каледина и Корнилова и занятия казачьей столицы Новочеркаска, народный комиссар по борьбе с контрреволюцией Антонов-Овсеенко собирал войска с бору по сосенке. 17-й корпус дал сборную колонну под командой товарища Соловьёва – 600 штыков, 179 пулемётов и шестиорудийная батарея, при ней 230 человек прислуги. Со станции Брянск колонна отправлялась через Курск,

Воронеж и занимала станцию Лихая. Вторая колонна, под командованием тов. Шимановского, составила из 2-го отряда Старо-Русского гарнизона – 889 штыков, 47 сабель, 10 пулемётов. Из Брянска она следовала через Курск, Валуйки и занимала Купянск.

Третья колонна – 1-й отряд Великолукского гарнизона, 300 штыков и 50 сабель, 2-й отряд из Смоленского гарнизона, лёгкая шестиорудийная батарея и 3 броневика из 3-го бронедивизиона, отряд №7 из гарнизона Рославля – 500 штыков, 2 орудия и 10 пулемётов. Колонна следовала через Орёл, Курск и занимала Белгород.

Четвёртая колонна – резервная, в составе летучего отряда ВРК Петроградского полевого штаба под командой товарища Сиверса, который был откомандирован Антоновым в Воронеж, дабы организовать из тамошнего гарнизона сильный резервный отряд. Колонна выступала из Брянска, проводя по дороге «необходимую чистку – оставляя за собой крайне надёжный тыл» (1)

В канун Нового Года Антонов-Овсеенко сообщал Муравёву: «Сиверс вынужден обороняться – он понёс серьёзный урон. Петров и революционные казаки были сильно потеснены калединцами, наступающими через Каменскую к Миллерово». На северном участке Донецкого фронта в январе 18-го в сражениях с добровольцами участвовал 435-й пехотный Ямбургский полк. В бюро печати Смольного полетела телеграмма: «Кавказская армия двинула до 100 тысяч человек в тыл Каледина, к ней присоединился ряд горных племён.» (2)

В первом томе своих «Записок о Гражданской войне» Антонов-Овсеенко упоминает также о двух бронепоездах и 132-м артдивизионе. Планировалось двинуть на Донбасс бывший 2-й гвардейский корпус, Минский отряд товарища Берзина и отряд в 3500 штыков из одесских солдат, матросов и рабочих.

Ввиду категорического отказа воевать с «кадетами», стоявший в Кантемировке 17-й стрелковый полк был расформирован. Вместо него комиссар Антонов-Овсеенко отправил полк драгун, но он тоже отказался от наступления.

Брошенные страной и народом, получавшие от «сильных мира сего» лишь жалкие гроши (ростовская буржуазия обессмертила себя 400-рублёвым даянием, на которое до войны можно было купить 10 «наганов»), юнкера и кадеты 3 января дали один из первых боёв красным, нанеся им поражение под Дебальцево и захватив знамя части. (3)

Партизанский отряд есаула Чернецова разбил красную часть в 600 штыков на станции Штеровка. Подойдя к станции на 300 шагов, юные добровольцы атаковали её штыками, и красная гвардия бежала. Взяв большой запас винтовок и патронов, чернецовцы повели наступление по линии Петровка-Дебальцево, где скопились большевики под командой прапорщика Саблина.

Петровка была взята, большевики

бежали, бросив оружие.

По сообщению газеты «Южные Ведомости», 4-го января в Петроград прибыл 5-й пулемётный полк, направленный СНК для борьбы с Калединым. Делегация недоумевала, для чего, собственно, их отправляют на Дон, так как Каледин никому не угрожает, никуда не думает наступать и просит только не вмешиваться во внутренние дела Войска Донского.

Что против этого было у атамана Каледина? 147 штыков, по его собственному признанию.

Сам атаман был прирождённым воином, по словам Деникина, «не посылал, а водил войска в бой». На Великой войне, за Гнилую Липу и Калуж, получил два ордена Святого Георгия. Но одно дело – управлять дисциплинированными и мотивированными войсками в регулярных боях, и совсем другое – ощущать, что казаки, твой же донские «станичники», норовят ударить тебя ножом в спину, об «иногородних» же и говорить не приходилось...

Казачество Дона, фактически, пошло на согласие с большевиками, решив, что они побьют чужих и непонятных пришельцев – добровольцев, воевавших, в основном, за Учредительное Собрание, а не за понятного казакам Царя. «Военно-революционный комитет», во главе с бывшим подхорунжим Подтелковым и таким же прапорщиком Кривошлыковым объявила атаману низложенным, признав на Дону власть Совнаркома.

Корреспондент большевицкой «Правды», вернувшийся из Ростовской губернии, писал: «Наши передовые части занимают позиции в восьми верстах от Ростова... Население встречает нас с восторгом... отовсюду привозят в большом количестве подводы с продовольствием. Позавчера у нас была делегация казаков из станицы Ольгинской, которая считалась калединской. Казаки настроены по отношению к нам великолепно, обещали помощь продуктами.

Несмотря на настойчивые требования офицеров ударить в тыл Батайску, они категорически отказались это сделать».

Атаман пришлось просить помощи у Алексева, которому он не так давно «указывал на дверь»... 400-500 офицеров и юнкеров, кадеты и гимназисты взяли Ростов, Таганрог и значительную часть Донбасса, здорово осадив наступавшие колонны Сиверса и Саблина!

Но и потери добровольцев были велики. В конце января, ворвавшись в Каменскую, большевики беспощадно расправились с захваченными алексеевцами. Расстреливали не только офицеров, но и юнкеров, и кадет, некоторых штыками искололи до неузнаваемости, двоих раненых сбросили с моста. Погибло более 200 добровольцев.

Одновременно советские войска со стороны Царицына и Дебальцево взяли в клещи группу есаула Чернецова, который попал в плен и был убит, якобы за попытку побега. Зарубил его шашкой «свой же казак»,

бывший подхорунжий Подтелков.

Через много лет профессор математики, главный редактор газеты, белый солдат и корпусник В.Х. Даватц напишет (4): «Полковник Кутепов с пятьюстами офицерами защищал Таганрогский фронт от натиска большевиков. Казаки, усталые и соблазненные пропагандой, повернули назад и разошлись по домам. В тылу восемь тысяч рабочих Балтийского завода подняли восстание и, захватив железнодорожный путь, преградили отступление. Из Ростова было потребовано подкрепление. Огромный город с полумиллионным населением продолжал жить своей повседневной, шумной торговой жизнью. Конторы, магазины, кинематографы, театры, азартные игры в клубах на многие сотни тысяч, разряженная праздная толпа на Садовой улице, переполненные кафе и рестораны, оркестры музыки... Из Проскуровских казарм на помощь Кутепову вышло подкрепление – 60 человек. Ротмистры, полковники, капитаны и с ними несколько молодых мальчишек, все как рядовые, с винтовками на плечо, они пошли мерным шагом по шумным улицам среди огромной толпы, шатавшейся по тротуарам. 60 человек из 500-тысячного города».

Так родилась Добровольческая армия.

На третий день после взятия большевиками Ростова красный командир Волынский, явившись в местный Совет, на раздавшиеся из рядов меньшевиков крики «убийца» спокойно ответил: «Каких бы жертв это нам ни стоило, мы совершим своё дело, и каждый, с оружием в руках восставший против советской власти, не будет оставлен в живых». (5)

В феврале 18-го, в рубрике «На Калединском фронте» газета «Правда» описывала, сама того не зная, Ледяной поход: «25 февраля, после ожесточённого боя под Персияновкой, советскими войсками, наступавшими фронтом свыше 40 вёрст, занят Новочеркасск. Первым в город вошёл 1-й Северный революционный казачий отряд 27-го и 10-го полков. Добровольцы отошли к Аксайской станице, откуда, под командой Алексева и Корнилова, походным порядком пытаются уйти вглубь Области Войска Донского. Командующий Северным Донским фронтом Саблин».

...Право, лучше поэта Ивана Савина не скажешь:

*Итолькоты, бездомный воин,
Причастник русского стыда,
Быль мёртвой родины достоин
В те недостойные года.*

Использованные источники:

- 1) РГВА, ф.14, о.1, д.1
- 2) Там же.
- 3) Газета «Власть народа», 3 января 1918 года.
- 4) Даватц В.Х. Русская армия на чужбине. - Белград, 1923
- 5) Газета «Рабочее дело», 14 февраля 1918 года.

АНТОН ВАСИЛЬЕВ